

Алан Александр Милн

Когда-то, давным-давно

Глава 1

Короля Евралии осаждают незваные гости

Король Евралии Веселунг завтракал на свежем воздухе – на башне своего замка. Он снял золотую крышку с золотого блюда, выбрал форель и аккуратно переправил ее на золотую тарелку. Сам-то он был человеком непритязательным, но если у вас имеется тетушка, которая совсем недавно научилась превращать все, к чему она ни прикоснется, в золото, было бы жестоко не позволять ей время от времени слегка попрактиковаться. В те давние годы еще не придумали столь невинных занятий, как выпиливание лобзиком.

– А-а, – воскликнул король, – вот и ты, моя радость! – Он протянул руку за салфеткой, но принцесса уже успела легко коснуться губами макушки отца и усаживалась за стол напротив него.

– Доброе утро, отец. Я, наверное, немного опоздала? Ездил верхом в лесу.

– Как насчет приключений? – небрежно осведомился король.

– Ничего особенного, если, конечно, не считать приключением такое замечательное утро.

– Да-а, страна нынче уж не та. Вот во времена моей юности... В лес просто войти нельзя было – что ни шаг, то приключение. Каких только чудес там не водилось! Великаны, карлики, ведьмы... – Он помолчал и прибавил задумчиво: – В лесу я впервые увидел твою мать...

– Жалко, что я совсем не помню мамы, – сказала Гиацинта.

Король поперхнулся и встревоженно взглянул на дочь.

– Уж семнадцать лет, как она умерла. Тебе, Гиацинта, было тогда всего шесть месяцев. Знаешь, в последнее время мне часто приходит в голову, что я совершил ошибку, лишив тебя материнской ласки.

– Но, дорогой, ты же не виноват, что мама умерла!

– Нет, нет, я не о том... Королеву похитил дракон... Но, подумай, ведь я, – и он смущенно опустил глаза, – я мог бы жениться снова.

Принцесса удивилась.

– На ком?

Веселунг сосредоточенно изучал дно своего кубка.

– Ну, – наконец выдал он из себя, – бывают же люди...

– Пожалуй, если бы ты тогда встретил кого-нибудь очень милого, – неуверенно произнесла принцесса, – это было бы неплохо.

Король с серьезным видом разглядывал рисунок на кубке, словно видел его в первый раз в жизни.

– Но почему "тогда"? Гиацинта удивилась еще больше.

– Ведь я уже выросла и теперь не так нуждаюсь в материнской ласке.

Веселунг перевернул кубок и посмотрел на него снизу.

– Нежная... ээ... рука матери... ээ... никогда...

И тут произошло нечто поразительное.

Всему виной был подарок, полученный королем Бародии в день рождения и представлявший из себя не что иное, как пару семимильных башмаков. Будучи человеком, обремененным делами, король долго не находил свободного времени, чтобы испытать обновку. Но за столом он говорил только о своих башмаках и каждый вечер, перед отходом ко сну, собственноручно начищал их до блеска. Когда наконец великий день настал, он снисходительно выслушал озабоченные напутствия жены и прочих членов королевского семейства, сделал вид, что не замечает множества любопытных носов, прижатых ко всем оконным стеклам верхних этажей дворца, и торжественно отчалил.

Как вам, возможно, известно, ощущение полета лишь поначалу немного пугает – потом, когда привыкаешь, оно становится захватывающим и часто заставляет человека терять голову. Вот и король Бародии уже успел преодолеть более двух тысяч миль, прежде чем спохватился, что так недолго и заблудиться. Его опасения полностью подтвердились, и остаток дня он провел, порхая туда-сюда по всей стране. Лишь по чистой случайности поздним вечером донельзя разъяренный король пулей влетел в чердачное окно дворца. Он осторожно снял башмаки и на цыпочках прокрался в спальню.

Разумеется, это приключение послужило ему хорошим уроком. Он решил, что в дальнейшем станет перемещаться лишь по строго определенному маршруту, плавно перелетая от одной вежи к другой.

Придворные географы получили задание разметить удобную трассу для королевского моциона длиной примерно в триста миль (десять раз туда и обратно перед завтраком). Король назначил себе недельный перерыв для восстановления физических и душевных сил, а потом приступил к ежеутренним упражнениям.

Королевство Евралия примыкало к Бародии, но, в отличие от равнинной Бародии, Евралия была страной холмов. Поэтому вполне понятно, что в поисках естественных вех географы обратили взоры к Евралии, и именно над Евралией в тот самый час, когда наступало время завтрака в хижинах, равно как и во дворцах, взмывал в поднебесье король Бародии – взмывал и опускался, снова взмывал и снова опускался.

– Нежная... ээ... рука матери... – сказал король Евралии Веселунг, – ээ... никогда... Боже мой, что это?!

Какой-то предмет со свистом пронесся над его головой, заслонив на мгновение солнце. И снова все стало, как прежде.

– Что это было? – спросила слегка испуганная Гиацинта.

– Совершенно невероятно! Я успел заметить только что-то вроде рыжих бакенбардов и гигантских башмаков. Кто бы это мог быть?

– У короля Бародии, – ответила Гиацинта, – рыжие бакенбарды, а какие у него башмаки, я не знаю.

– Но что ему делать там, наверху? Если только не...

Снова что-то рассекло воздух, но в противоположном направлении, снова померкло солнце, и на этот раз можно было совершенно явственно различить стремительно удаляющуюся спину короля Бародии.

Веселунг с подчеркнутым достоинством поднялся из-за стола.

– Ты совершенно права, Гиацинта, – проговорил он сурово, – это действительно король Бародии.

Принцесса не на шутку встревожилась.

– Мне кажется, он не должен позволять себе носиться над головой с такой скоростью, когда люди завтракают. Как ты думаешь?

– Отвратительные манеры, дорогая. Мне необходимо удалиться и составить Ноту протеста. Не можем же мы оставить безнаказанным столь вопиющее нарушение элементарных правил приличия!

Приняв самый грозный вид, какой только могло изобразить его добродушное от природы лицо, и немного сомневаясь, к месту ли вставил "элементарных", король спустился в библиотеку.

Библиотека была его любимым местом в замке. Здесь по утрам он обсуждал государственные дела со своим Первым Советником или принимал знатных чужестранцев, завернувших в Евралию в поисках приключений. Здесь же в послеобеденные часы, вооружившись томом "Бесед с Мудрецом" или другим увесистым фолиантом, он предавался размышлениям. В последнее время ему было над чем поразмыслить, и основным предметом его раздумий как раз и являлись знатные чужестранцы, ибо он уже отправил по крайней мере семерых иностранных принцев совершать разного рода подвиги, пообещав в награду руку принцессы и полкоролевства. Неудивительно, что ему частенько приходилось сокрушаться о том, что дочь лишена "руководящей материнской руки".

Ноте протеста, как видно, не суждено было появиться на свет. Король даже не решил еще, какое из двух перьев наиболее пригодно для такого важного дела, как двери распахнулись и прозвучало роковое имя графини Бельвейн.

Графиня Бельвейн! Где найти слова, чтобы описать эту поразительную, непостижимую, ужасную и восхитительную женщину?! Непомерное честолюбие и неразборчивость в средствах достижения цели сочетались в ее натуре с прекрасными душевными качествами, находящими выражение в пристрастии к ведению дневника и искренней любви к лирической поэзии. В нашей истории именно она играет роль злодейки, и в этом я согласен с именитым историком Роджером Кривоногом, который разносит ее в пух и прах в своей "Евралии в прошлом и настоящем". Но менее всего на свете мне хотелось бы отказывать этой женщине во многих выдающихся достоинствах.

Нынешнее утро графиня посвятила сочинительству и потому была в зеленом. Она всегда надевала зеленое, когда ей являлась Муза:

похвальная привычка, которую я советовал бы перенять современным поэтам – как для привлечения вдохновения, так и для уведомления

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

окружающих. Под мышкой она несла огромных размеров Дневник, а в голове – несколько вариантов изложения мыслей, посетивших ее по дороге во дворец.

– Доброе утро, графиня! – приветствовал ее Веселунг, с явным облегчением отрываясь от задачи выбора пера. – Какой ранний визит...

– Надеюсь, вы ничего не имеете против, ваше величество, – ответила графиня с ноткой озабоченности в голосе. – В нашей вчерашней беседе был пункт, относительно которого у меня вдруг возникли некоторые сомнения.

– А о чем мы вчера беседовали?

– О, ваше величество! О положении дел, разумеется.

– И она бросила на него один из тех невинных и в то же время дерзких и оболстительных взглядов, которые производили на короля совершенно неотразимое впечатление (и на любого другого тоже, смею вас уверить). Король смущенно улыбнулся.

– Да, да, конечно, положение дел...

– Я даже сделала запись об этом в своем Дневнике. – Она положила на стол огромную тетрадь, и страницы легко зашелестели под ее пальцами. – Вот здесь... "Среда. Его величество оказал мне честь, спросив совета относительно будущего принцессы Гиацинты. Остался к чаю и был совершенно..." Никак не могу разобрать слово...

– Позвольте мне, – вмешался король, склоняясь над Дневником. Его обычно румяное лицо стало совсем пунцовым. – Похоже на "очарователен". – Он постарался произнести это как можно более небрежным тоном.

– Неужели? Неужели я именно так и написала? Видите ли, я обычно пишу все, что мне приходит в голову, прямо сразу, не задумываясь. – Она проделала ручкой движение, подобающее человеку, который записывает все, что ему приходит в голову, не задумываясь, и вернулась к Дневнику. – "Остался к чаю и был совершенно очарователен. Потом размышляла о бренности жизни". – Она подняла широко открытые глаза и устремила на короля задумчивый взгляд. – Я часто предаюсь размышлениям в одиночестве...

Веселунг никак не мог оторваться от Дневника.

– А у вас еще есть такие записи, как... как эта, последняя? Можно посмотреть?

– О, ваше величество, боюсь, там слишком много глубоко личного. – И она поспешно захлопнула тетрадь.

– Мне показалось, я видел какие-то стихи...

– Да, небольшая ода к любимой канарейке. Вряд ли это будет интересно вашему величеству.

– Я обожаю поэзию! – гордо изрек король.

Он и сам однажды сочинил двустихие, которое можно было читать как с начала до конца, так и наоборот. Считалось даже, что во втором варианте оно обладает некоторыми магическими свойствами. Как утверждает Роджер Кривоног, это произведение стало чрезвычайно популярно в Евралии, а звучало оно так:

Бо, бо, бил, бол.

Во, во, вил, вол.

Оригинальная идея, выраженная с завидным лаконизмом.

Графиня, конечно, просто кокетничала – на самом деле ей очень хотелось прочесть свое стихотворение.

– Это простая безделица, – скромно молвила она, а потом продекларировала:

Привет тебе, оранжевая пташка!

В росистых кущах, на кустах цветущих

Ты трепетное сердце изливаешь

В прекрасных звуках, в небеса плывущих.

И в упоении внимающий пернатому поэту,

Пернатый хор подхватывает песню эту.

– Прелестно! – с искренним восхищением воскликнул король, и с ним нельзя не согласиться.

Много лет спустя другой поэт по имени Шелли воспользовался той же идеей, но облек ее в гораздо более вычурную и, по моему мнению, менее совершенную форму.

– Скажите, а эта птичка настоящая или вымышленная? – спросил Веселунг.

– Моя любимица.

– Ей понравилось?

– Увы, ваше величество! Ее постигла внезапная кончина, и она не успела...

– Бедняжка! Я уверен, она была бы в восторге.

Тем временем Гиацинта, не ведая о столь реальной близости "нежной руки матери", пыталась завершить завтрак, но это оказалось нелегким делом. В конце концов, чрезвычайно утомительно то и дело отрываться от тарелки и наблюдать в небе монарха соседней державы, который летит то в одну, то в другую сторону. Король Бародии проделал это еще восемнадцать раз, и принцесса отправилась к отцу, все еще чувствуя легкое головокружение. Она нашла короля в библиотеке – он сидел в полном одиночестве, с глупой улыбкой на лице. Никаких следов Ноты на письменном столе Гиацинта не обнаружила.

– Ты уже отправил Ноту?

– Ноту? – в изумлении повторил Веселунг, все еще находившийся под впечатлением знаменательной записи в Дневнике графини. – Какую Ноту? Ах, ты имеешь в виду Ноту протеста королю Бародии... Я как раз сейчас ее обдумываю. Должна решительность в сочетании с изысканной вежливостью – это, знаешь ли, требует определенных усилий.

– По-моему, на этот раз можно обойтись без изысканной вежливости, – возразила Гиацинта. – После того как ты ушел, он пронесся еще восемнадцать раз.

– Восемнадцать... восемнадцать... восем... Да это просто неслыханно!

– У меня такое впечатление, будто к завтраку явилось слишком много гостей, и притом незваных.

– Подобное поведение нельзя расценивать иначе как намеренное оскорбление. Никаких Нот! Мы поговорим с ним на его собственном языке!

И король вызвал к себе капитана королевских лучников.

Глава 2

Первый советник Бародии отправляется на прогулку

Снова было раннее утро.

Веселунг сидел за столом, накрытым к завтраку, а перед ним выстроился в шеренгу отряд лучников.

– Запомните, – возбужденно объяснял король, – когда король Баро... когда некий... словом, когда я скажу "когда!", все выстрелят в воздух.

Ни во что не цельтесь – просто выпускайте стрелу вверх, и... ээ... посмотрим, чья взлетит выше всех. Если, конечно, что-нибудь случайно... ээ... заденет о стрелу, – это маловероятно, но... Ну, значит, заденет, и точка. В конце концов, может ли там, – и он посмотрел в небо, – что-нибудь оказаться?

– Так точно, сир! Или, скорее, никак нет, – браво отчеканил капитан.

– Очень хорошо. Итак, приготовились... По местам!

Солдаты зарядили луки и заняли свои места. На башне стоял дозорный. Все было готово.

Веселунг очень волновался. Он переходил от одного солдата к другому, расспрашивал о жене и детях, хвалил начищенный кивер и советовал стрелку немного отвернуться от солнца. То и дело он подбегал к дозорному, указывая пальцем на горизонт в направлении Бародии и снова возвращался.

Дозорный не подвел.

– Величество в воздухе! – внезапно провозгласил он.

– Когда! – заорал король, и вверх устремилась туча стрел.

– Вот здорово! – закричала Гиацинта, радостно хлопая в ладоши. – То есть, я имею в виду – как вы могли?! Вдруг он ранен?

Веселунг испуганно обернулся.

– Гиацинта? Ты здесь?

– Я только что поднялась. Ну как, вы в него попали?

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

– В кого "в него"?

– В короля Бародии, конечно.

– Короля Баро... Дитя мое, при чем здесь король Бародии? Мои лучники упражняются в стрельбе по дальней цели – парящий коршун. – Он обратился к капитану: – Коршун задет?

– Только одной стрелой, сир. В бакен... в хвостовое оперение!

– Только одной стрелой. Попала в бакен... в хвостовое оперение. Дорогая, с какой стати ты вдруг заговорила о короле Бародии?

– Ах, отец, как это дурно с твоей стороны! Ты чуть не убил беднягу. Испортил его знаменитые бакенбарды!

– Его величество король Бародии! Бакенбарды! Это просто ужасно! Но как он мог там оказаться? Боже, какое несчастье! Я немедленно должен составить объяснительную Ноту.

Гиацинта благоразумно заметила:

– А тебе не кажется, что сначала он должен что-нибудь прислать?

– Да, да, ты права. Несомненно, он пожелает объяснить, почему он здесь оказался.

Веселунг подошел к лучникам, которые уже снова стояли шеренгой.

– Можете увести людей, – сказал он капитану.

– Слушаюсь, ваше величество!

Его величество торопливо огляделся по сторонам и конфиденциально шепнул капитану:

– Кто из солдат... – он как бы невзначай потер рукой правую щеку, – ...ээ... вот именно. Вон тот, слева? Прекрасно.

Он подошел к солдату на левом фланге и вложил ему в руку мешочек золота.

– Я восхищен вашим стилем, мой друг. Движение запястья просто безупречно! Никогда не видел, чтобы стрела взлетела так высоко.

Отряд отсалютовал и удалился, а Веселунг с Гиацинтой сели завтракать.

– Немного лососины, дорогая? – предложил король.

Первый Советник Бародии навсегда запомнил этот день. И жене своей не позволял о нем забыть. Фраза "Это напоминает мне тот день, милая, когда..." с некоторых пор стала сигналом, по которому его гости срочно начинали откланиваться. Но домочадцы не имели возможности спастись бегством, им оставалось лишь вооружиться терпением.

Денек действительно выдался на редкость беспокойный. Уже в девять утра Советника вызвали к королю, который нежно лелеял пострадавшую часть тела и пребывал в состоянии крайнего раздражения. Он настаивал на немедленном открытии военных действий.

Советник пытался склонить его к более мягким мерам.

– По крайней мере, ваше величество, – умолял он, – позвольте мне сначала свериться с прецедентами.

– Столь возмутительная наглость беспрецедентна, – холодно возразил король.

– Я не говорю о полном совпадении, сир, но все же сходные прискорбные случаи... ээ... случались.

– Это был не случай!

– Конечно, конечно. Мне следовало сказать "вероломные нападения". Вот, например, ваш высокочтимый дедушка однажды имел неосторожность поссориться с королем Арабии, и тот наложил на него заклятие, в результате чего ваш высокочтимый дедушка был вынужден – правильнее будет выразиться, предпочитал – в течение нескольких недель передвигаться на четвереньках. Можете себе представить, какое впечатление это производило на подданных, несмотря на их величайшую лояльность. Далее. Хотя ваш случай и не включает в себя перемещение на четвереньках...

– При чем тут вообще четвереньки?! – заорал король.

– Неудачное сравнение, ваше величество. Я имел в виду, что хотя ваш случай и не может рассматриваться как аналогичный случай, но все же процедура, действовавшая в случае вашего высокочтимого дедушки... – Бедный Советник совсем запутался.

– Мне дела нет до моего высокочтимого дедушки. Мне дела нет до всех ваших "случаев", мне дела нет до ваших или чьих-либо еще бакенбардов, – злобно приговаривал король, поглаживая свои собственные. – Я жажду крови короля Евралии! – Он оглядел придворных:

– Любому из вас, кто покончит с королем Евралии и принесет мне его голову, я отдам руку моей дочери.

Наступила глубокая тишина.

– Которой дочери? – прозвучал наконец осторожный голос.

– Старшей!

Тишина стала еще более глубокой.

Первым осмелился заговорить все тот же Советник.

– Я все-таки предлагаю, ваше величество, чтобы в ближайшее время конфликт не выходил за пределы обмена Нотами. А тем временем мы прочтем страну вдоль и поперек и разыщем какого-нибудь волшебника, который поможет нам придумать славную месть королю Евралии. Согласитесь, сир, что, если, например, голова монарха вдруг оказывается перевернутой вверх ногами, он не может не лишиться изрядной доли того царственного величия, которое одно лишь способно внушить необходимые чувства подданным. Опять-таки, пара носов, расположенных под углом друг к другу, что чрезвычайно затрудняет процесс сморкания...

– Ладно, ладно, – нетерпеливо перебил его король, – я об этом подумаю, если вы действительно найдете волшебника. Только в наше время их не так-то много, к тому же волшебники имеют дурную привычку то и дело забывать, на чьей они стороне.

У Советника жалобно вытянулось лицо.

– Ну ладно, не расстраивайтесь, – снисходительно бросил король. – Я знаю, что делать; так и быть, можете послать одну Ноту протеста, а потом мы сразу же объявим войну.

– Благодарю вас, ваше величество, – сказал Советник.

Итак, в Евралию была отправлена Нота протеста.

В ней указывалось, что Его Величеству Королю Бародии было нанесено жестокое оскорбление посредством стрелы, в то время как его величество совершал ежеутренние оздоровительные упражнения. Сие оскорбление, не задев, по счастью, жизненно важных органов его величества, тем не менее причинило ему серьезное душевное расстройство и нанесло урон внешности. За нанесенное оскорбление королевство Бародия требует полного возмещения и т.д. и т.п.

Ответ из Евралии ждать себя не заставил. В нем выражалось глубочайшее сочувствие монарху дружественной державы, ставшему жертвой трагического стечения обстоятельств. В утро, о котором идет речь, происходило состязание королевских лучников в стрельбе на дальнюю дистанцию, каковое состязание, буде то представляет интерес для его величества короля Бародии, выиграл Генри Малонс, стрелок, подающий большие надежды. В ходе состязания было замечено, что некий посторонний предмет помешал полету одной из стрел, но поскольку сие происшествие не оказало влияния на окончательную расстановку участников состязания, ему не придали особого значения, и его величество король Бародии может быть полностью уверен, что его величество король Евралии не имеет намерения предьявлять ему какие-либо претензии по поводу случившегося. Подобные состязания будут проводиться и впредь, и, если его величество король Бародии пожелает в дальнейшем совершать моцион в непосредственной близости от территории Евралии, король Евралии надеется, что его величество окажет ему честь спуститься на землю и присоединиться к участникам состязания. Выражая уверенность в полном благополучии ее королевского величества и их королевских высочеств и т.д. и т.п.

Первый Советник читал это послание, а в душе его росло беспокойство. Выходило, что именно по его вине его величество король Бародии подвергся новому оскорблению, и, если ему не удастся каким-то образом преподнести ответную Ноту в сильно смягченном виде, его ожидают серьезные неприятности. Вступая за ограду дворца, он гадал, будет ли его величество обут в свои знаменитые башмаки и не обладают ли они заодно со способностью делать семимильные шаги способностью давать семимильные пинки. Поднимаясь по лестнице, он начал подозревать, что бывают ответные Ноты, которые можно каким-то образом "преподнести", и бывают такие, которые лучше не пытаться "преподнести" никоим образом. Спустя пять минут, отправляясь домой (перед ним лежал путь ровно в двадцать одну милю длиной), он пришел к твердому убеждению, что ответная Нота из Евралии относилась к последним.

Вот каковы были истинные причины войны между Евралией и Бародией. Я знаю, что мое мнение по этому вопросу совершенно расходится с мнением известного историка Роджера Кривонога. В главе IX своего бессмертного труда "Евралия в прошлом и настоящем" он приводит абсолютно другие мотивы ссоры между двумя монархами. Король Бародии, говорит он, просил руки принцессы Гиацинты для своего старшего сына. "Король Евралии, как это было принято, поставил условие, по которому его высочество сначала должен был взобраться верхом на коне на стеклянную гору, что показалось оскорбительным королю Бародии. Боюсь, что Роджеру просто хочется представить все дело в романтическом свете. Там не было и намека на сантименты и все происходило именно так, как я только что имел честь вам доложить.

Глава 3

Король Евралии обнажает меч

3

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

Без сомнения, вы уже догадались, что ответ продиктовала королю Веселунгу графиня Бельвейн. Сам Веселунг, скорее всего, выразился бы следующим образом: "Так Вам и надо – нечего без спросу летать над моим королевством". Он никогда не отличался тонким остроумием. Гиацинта сказала бы: "Нам очень жаль, но ведь рана оказалась не слишком серьезной, не так ли? И вы действительно не получили приглашения к завтраку". Советник долго чесал бы в затылке, а потом изрек: "В соответствии с главой VII, параграфом 259 "Уложений Королевства", мы можем отметить..."

Но у графини был свой взгляд на вещи, и если вам кажется, что она словно нарочно сделала все для того, чтобы война стала неизбежной, – что ж, у нее могли быть основания к этому стремиться.

Пока что больше всех досталось Советнику Бародии, но "прихоти сильных мира сего часто оборачиваются страданиями невинных" – этот афоризм заимствован мною из "Евралии в прошлом и настоящем", где Роджер чуть ли не каждый абзац заканчивает моралью.

– Ну вот, – торжественно объявил Веселунг графине, – война объявлена! Гиацинта уже приводит в порядок мои доспехи.

– А что сказал король Бародии?

– Он ничего не сказал. Он написал на клочке грязной бумаги красными буквами "ВОЙНА", пришил его к уху моего гонца и отослал его назад.

– Боже, как это грубо! – возмутилась графиня.

– Д–да, я тоже подумал, что это несколько... ээ... неязно, – неловко промямлил король. На самом-то деле он втайне восхищался таким поступком и ужасно жалел, что ему самому в голову не пришло ничего подобного.

Графиня с очаровательной улыбкой быстро проговорила:

– Конечно, все зависит от того, кто это делает. Например, если бы вы совершили нечто в этом роде, это выглядело бы как свидетельство благородного негодования.

– Должно быть, он был в ярости, – заметил Веселунг, выбирая из груды лежащих перед ним мечей то один, то другой и внимательно их разглядывая. – Хотелось бы мне взглянуть на его физиономию, когда он читал мою Ноту!

– И мне тоже, – вздохнула графиня.

Ей-то этого хотелось гораздо больше. Трагедия человека, умеющего писать отличные письма, состоит в том, что ему почти никогда не удается посмотреть, как их читают. Это уже мой собственный афоризм – подобная мысль никогда не пришла бы в голову Роджеру, отнюдь не блиставшему в эпистолярном жанре.

Король продолжал перебирать мечи.

– Как это некстати, – бормотал он. – Интересно, может быть, Гиацинта... – Он подошел к двери и позвал:

– Гиацинта!

– Иду, отец, – откликнулась Гиацинта откуда-то сверху.

Графиня Бельвейн встала с кресла и опустила перед принцессой в глубоком реверансе.

– Доброе утро, ваше королевское высочество!

– Доброе утро, графиня, – приветливо ответила Гиацинта. Ей нравилась графиня – она не могла не нравиться, – но Гиацинте почему-то всегда хотелось, чтобы она нравилась ей чуть поменьше.

– Гиацинта, – попросил Веселунг, – подойди сюда и взгляни на эти мечи. Который из них, по-твоему, заколдованный?

Гиацинта честно попыталась выполнить просьбу отца, но не пришла ни к какому решению.

– Ах, отец, – сказала она наконец, – я, право, не знаю. Неужели это так важно?

– Милое дитя, конечно, это очень важно. Предположим, король Бародии вызывает меня на поединок. Если у меня заколдованный меч, я обязательно должен победить. А если нет, то еще неизвестно.

Бельвейн, не отрывая взора от Дневника, как бы про себя проговорила:

– Предположим, у короля Бародии тоже заколдованный меч...

(Подобное замечание было как нельзя более в ее духе.) Король перевел на нее взгляд и глубоко задумался.

– Да, действительно, – проворчал он озабоченно, – я как-то об этом не думал. Честное слово, я... – он повернулся к дочери. – Гиацинта, а что, если у нас обоих будут заколдованные мечи?

– Ну тогда, я думаю, вам придется сражаться вечно.

– Или, по крайней мере, до тех пор, пока из мечей не выйдет все колдовство, – невинно заметила графиня.

– Об этом должно быть где-нибудь написано, – с надеждой предположил Веселунг, чье приподнятое настроение совершенно угасло от этого разговора. – Попрошу Советника поискать. Только он сейчас страшно занят подготовкой к войне.

Графиня задумчиво произнесла:

– Зато у него окажется масса свободного времени потом – когда начнется поединок...

Удивительная женщина! Она уже представляла Советника, который спешит с долгожданным известием к королю Евралии и опаздывает на мгновение – то самое мгновение, в которое противник наносит смертельный удар.

Веселунг снова вернулся к мечам:

– Ну, как бы там ни было, по крайней мере, в своем мече я должен быть уверен. Гиацинта, ты совсем не знаешь, который из них заколдованный? – И он обиженно добавил: – Я же просил тебя пометить оружие.

Принцесса снова стала изучать мечи.

– Вот он! – радостно воскликнула она. – На нем стоит "В", что значит "волшебный"!

– Или "Веселунг", – еле слышно промурлыкала графиня.

Радость, только что озарившая лицо короля, тут же померкла, и он раздраженно заметил:

– От вас нынче не очень-то много проку, графиня.

В тот же миг графиня была на ногах – Дневник отброшен в сторону (нет, конечно, ни в коем случае не отброшен, а аккуратно положен на пол), сама она со скрещенными на груди руками как воплощение укора.

– О, ваше величество, простите меня... если бы вы спросили... я не знала, что вы нуждаетесь в моей помощи... я думала, ее королевское высочество... – Вдруг ее голос стал по-матерински заботливым и успокаивающим: – Конечно же я найду его.

Я часто думаю, погладила ли она при этом короля по голове? Это тоже было бы на нее очень похоже. Правда, в "Евралии в прошлом и настоящем" о таком жесте нет ни слова, а уж Роджер-то не преминул бы упомянуть о подобной бесцеремонности. Так что, может, ничего и не было.

Графиня без колебаний взяла один из мечей и протянула его Веселунгу.

– Ах, как хорошо, что все устроилось, – обрадовалась Гиацинта и ушла, предоставив их друг другу.

Король, счастливо улыбаясь, поглаживал клинок. Вдруг его охватило сомнение.

– А вы уверены, что это он?

– Испытайте на мне! – трагически вскричала графиня, падая на одно колено и простирая к королю руки. Носок маленькой туфельки касался Дневника, лежащего на полу, – его близость вселяла в нее отвагу. Даже в столь опасном положении она обдумывала, как описать эту сцену ("как, собственно говоря, пишется "простирая"?").

Я думаю, что к тому времени король уже был влюблен в нее по уши, хотя никак не мог решиться на завершающий шаг. Но если даже и так, в графиню он был влюблен от силы месяца два – два месяца из сорока лет, а вот с мечом не расставался с ранней юности. В критической ситуации в душе человека побеждает не самая сильная привязанность, а самая старая (это Роджер, но тут я с ним полностью согласен), и он, не рассуждая, поднял меч. Если он действительно заколдованный, малейшая царапина окажется смертельной. Сейчас все станет ясно! Недоброжелатели графини распускали слухи, что эта женщина была столь дерзка, что ничто на свете не могло заставить ее побледнеть. Конечно, графиня Бельвейн имела ряд недостатков, но именно этот в их число не входил: глядя на занесенный над нею сверкающий клинок, она была бледна как мел. Тысячи мыслей вихрем пронеслись в ее голове: как потом будет раскаиваться король, как ее будут воспевать менестрели, будет ли опубликован ее Дневник, но, в основном, она проклинала себя за то, что ей вдруг пришло в голову разыграть такую дурацкую мелодраму.

Король вздрогнул, пришел в себя и страшно сконфузился. Потом закашлялся, чтобы скрыть смущение, и подал руку графине, помогая ей подняться.

– Графиня, что это с вами? Просто нелепо. Неужели вы думаете, что я позволю вам жертвовать собой, да еще в такое время? Присядьте и давайте обсудим все по порядку.

Оглушенная бурей чувств, Бельвейн сидела, крепко прижимая к груди драгоценный Дневник. В эту минуту жизнь казалась ей особенно прекрасной, единственным темным пятном было то, что менестрели все-таки, по-видимому, не сложат о ней песен. Ничего не поделаешь, нельзя же получить все разом.

Король решительными шагами расхаживал по залу и говорил:

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

– Я отправляюсь на войну и оставляю горячо любимую дочь. Разумеется, в мое отсутствие править страной будет она. Но я хочу, чтобы Гиацинта знала, что в любую минуту может обратиться к вам, графиня, за поддержкой и помощью. Уверен, что полностью могу на вас положиться, поскольку вы только что представили мне неопровержимое доказательство вашей преданности.

– О, что вы, ваше величество! – протестующе воскликнула графиня и с торжеством отметила про себя, что труды не пропали даром.

– Гиацинта еще совсем девочка, – тем временем продолжал король. – У нее нет никакого опыта. Она нуждается...

– В руководящей материнской руке, – мягко подсказала графиня.

Веселунг смешался и отвел глаза в сторону. Вообще-то, ему следовало бы немедленно объясниться. Но... но столько еще нужно успеть до завтра... Пожалуй, лучше отложить это до конца войны.

– У вас не будет никакой официальной должности, кроме прежних, – продолжил он поспешно, – но я хотел бы, чтобы принцесса во всем следовала вашим советам.

С некоторых пор графиня только об этом и мечтала, но, конечно, в подобной ситуации необходимо было проявить подобающую скромность.

– Я сделаю все, что в моих силах, ваше величество, – с радостью. Но разве Советник...

– Советник поедет со мной. Он, конечно, не боец, зато силен в заклинаниях. – Король огляделся по сторонам, чтобы удостовериться, что они одни, и продолжал, понизив голос: – Он как-то говорил, что разыскал в архивах одно очень сильное заклинание. Если нам удастся применить его перед первым сражением, наши доблестные войска смогут... ээ... проявлять свою доблесть, почти не встречая сопротивления.

Графиня застенчиво пролепетала:

– Но есть же и другие образованные мужчины... Они гораздо лучше разбираются в государственных делах, чем мы, бедные женщины ("Что за чушь я несу", – думала она про себя), и они смогут дать ее высочеству несравненно более ценные советы...

– Такие мужчины, – прервал ее Веселунг, – понадобятся мне самому. У меня каждый человек на счету! В войне с Бародией будет участвовать все мужское население Евралии, поэтому наша страна на некоторое время превратится в страну женщин. – Он искоса взглянул на графиню и улыбнулся. – Это будет страна, в которой... ээ... каждый... то есть...

Было совершенно очевидно, что король изо всех сил старается и никак не может придумать что-нибудь очень галантное, и графиня по доброте души решила избавить его от мучений.

– О, ваше величество, – она потупила взор, – это, право, слишком любезно с вашей стороны...

– Д-да нет,нисколько, – растерялся король, пытаясь припомнить, что же он такое сказал. В конце концов он предпочел откланяться. – К сожалению, графиня, я должен вас покинуть. У меня масса дел.

– У меня тоже, ваше величество. – Она сделала реверанс и вышла из зала, зажав под мышкой Дневник.

А Веселунг, который никак не мог избавиться от ощущения какой-то внутренней неудовлетворенности, вернулся к письменному столу и взял за перо. Когда десять минут спустя Гиацинта заглянула в библиотеку, весь стол был завален обрывками бумаги, и она невольно наткнулась на несколько примечательных фраз:

"В подобной стране я стал бы счастливейшим из подданных..."

Остальные были еще короче:

"Это, дорогая графиня, было бы моей..."

"Страна, в которой даже король..."

"Счастливая страна..."

Последнее было зачеркнуто и поверх него написано:

"Плохо!"

– Отец, что все это значит?

Веселунг вскочил, покраснев до корней волос.

– Ничего, дорогая, ничего... Я просто... Видишь ли, мне, безусловно, необходимо будет обратиться с речью к народу. Вот я и набросал несколько... Как бы то ни было, они мне больше не нужны.

Он сгреб клочки в кучу, смял их и бросил в корзину для бумаг.

"Что же с ними стало?" – спросите вы. Скорее всего, на следующее утро они пошли на растопку камина. Но вот что удивительно! В десятой главе "Евралии в прошлом и настоящем" я вижу: "Поелику король и все мужское население Евралии отправились на войну с подлыми бародианами, Евралия стала страной женщин – страной, в которой даже король был бы счастливейшим из подданных".

Так что же это означает? Не есть ли это новый пример литературного плагиата? (Если вы помните, мне уже пришлось обличить Шелли.) Уж конечно, Роджер имел доступ к дворцовым корзинам для бумаг, как и многие другие историки. Но, в таком случае, он был обязан указать первоисточник!

Однако мне не хотелось бы быть несправедливым к Роджеру. Вам, наверное, уже стало ясно, что я во многом не разделяю его взглядов, но отдаю ему должное как историку (а в некоторых случаях, например, когда речь идет о первом появлении принца Удо в Евралии, целиком полагаюсь на свидетельства Роджера). И я ведь всегда ссылаюсь на него, если мне случается включать его высказывания в свое повествование, – так что есть все основания надеяться, что и Роджер был столь же щепетилен в отношении других. Я уже упоминал о том, что Роджер Кривоног – натура, несомненно, романтическая (как, впрочем, и король Веселунг). Поэтому давайте считать, что эта возвышенная мысль пришла к ним обоим независимо друг от друга.

Графиня Бельвейн имела полное право торжествовать небольшую победу. Король обнажил меч, но она не дрогнула! В награду она получит власть. Она станет властью за троном.

"Не обязательно за троном", – думала графиня.

Глава 4

Принцесса Гиацинта полагается на графиню

Настало время представить вам Виггз, и я сразу оказываюсь в затруднительном положении.

Каково было положение Виггз при дворе?

Ответить на этот вопрос не так-то просто. Дело в том, что мне приходится складывать всю историю из отдельных кусков, рассказанных другими, как головоломку, и заполнять пробелы, полагаясь на собственное представление о логике поведения того или иного персонажа.

Для начала я хотел бы познакомить вас с первоисточниками.

Первый и главнейший из них – это, конечно, Роджер Кривоног. Его монументальный труд "Евралия в прошлом и настоящем" в семнадцати томах громоздится на моем письменном столе. Я наткнулся на них (разумеется, в переносном смысле) совершенно случайно, возвращаясь в Лондон со стороны Нью-Барнета. Я имею в виду один маленький магазинчик около... забыл, как называется это место, но это третья по счету книжная лавка по левой стороне улицы. Именно этому труду я следовал в изложении основных линий и уже говорил о том, насколько высоко ценю сие произведение.

Во-вторых, существует некоторое количество легенд и баллад, поведенных мне моей тетушкой, одной из представительниц корнуэльских Малоносов. Она утверждает, что является прямым потомком Генри Малоноса, чей удачный выстрел и породил к жизни цепь событий, которые я пытаюсь изложить. Безусловно, мне не придет в голову подвергать сомнению слова дамы, к тому же она, действительно, всегда говорит о Генри Малоносе с той смесью гордости и фамильярности, с какой обычно говорят о знаменитых предках или родственниках. Во всем, что не касается Генри, ее слова заслуживают полного доверия, тем более что, в основных чертах, эти рассказы подтверждаются Роджером. Именно она описала графиню Бельвейн с необыкновенной яркостью и дала истинную оценку ее характера, отсутствующую в других источниках. Но ее отношение к Генри Малоносу просто нелепо. Дай ей волю, и он станет главным и единственным героем всей истории. Это вызывает у меня и у Роджера снисходительную усмешку: мы отдаем должное Генри за его блестящий выстрел, но и только. И в-третьих, сама Бельвейн. Женщины, подобные ей, не умирают. Не далее как в прошлом году мне довелось встретить ее – или ее воплощение – в одном загородном имении в Шропшире. Не помню, каким именем она себя назвала, но это была она. Я узнал ее тотчас – время покатило вспять, и вот мы уже в милой Евралии. "Остался к чаю и был совершенно очарователен..." Интересно, сказала бы она то же самое обо мне? Однако я, кажется, становлюсь сентиментальным – почти как наш дорогой Роджер.

Проконсультировавшись с этими источниками, я вновь задаю себе вопрос: кто же такая была Виггз?

Роджер говорит о ней как об одной из приближенных принцессы. Мы знаем, что Гиацинте было семнадцать лет. В таком случае, Виггз должно быть столько же – девушка на выданье – или, возможно, чуть старше. Почему бы и нет, спросите вы? Действительно – леди Виггз, фрейлина ее высочества, восемнадцати с небольшим, высокая и статная... Поскольку именно она разрушила коварные планы графини, пусть и будет ей под стать.

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

Да, конечно, но вы никогда бы так не подумали, если бы послушали мою тетушку. К тому же, если бы вам выпало счастье лицезреть Бельвейн, то вы сразу же поняли бы: ни одна взрослая женщина не могла ей противостоять. Виггз была ребенком – я чувствую это всем сердцем. В легендах и балладах моей тетушки она предстает перед нами девочкой, как Алиса в сказочной стране. Что бы там ни писал Роджер, в моем рассказе она будет ребенком. Между прочим, у Роджера концы с концами не сходятся. Например, он упоминает о том, что Виггз вытирает пыль с трона. Попробуйте – ка представить себе придворную даму, которой в прошлом феврале исполнилось восемнадцать, с тряпкой или метелкой в руках! Несколько раз он заставляет ее выполнять приказания графини – это тоже настораживает. Никогда фрейлина не стала бы повиноваться никому, кроме своей госпожи. И так, Виггз – девочка. Маленькая подруга Гиацинты, готовая на все для того, кто любит (или делает вид, что любит) ее покровительницу.

Король Евралии Веселунг отправился на войну. Он ехал во главе внушительного войска с заколдованным мечом на левом боку (плащ-невидимка был пока приторочен к седлу, чтобы отсутствие королевской тени не пугало боевого коня). Гиацинта провожала его у ворот замка. Пять раз он возвращался, чтобы дать ей последние наставления, а шестой – за мечом, но теперь он действительно уехал, и Гиацинта сидела на любимом месте на башне замка вместе с Виггз.

– Никогда не думала, что провожать отцов на войну – такое утомительное занятие, – сказала Гиацинта.
– Я очень надеюсь, что с ним ничего не случится. Послушай, Виггз – хотя об этом, я думаю, лучше не говорить вслух и хотя он только что уехал – но, наверное, это очень приятно – быть королевой, правда?
– Это должно быть просто чудесно! – ответила Виггз, глядя на принцессу широко открытыми глазами. – А вы теперь можете делать все, что хотите?

Гиацинта кивнула:

– Я всегда делала все, что мне хотелось, а теперь я могу это делать.

– А вы можете отрубить кому-нибудь голову?

– Запросто!

– По-моему, это очень противно – отрубить головы.

– И мне так кажется, – улыбнулась Гиацинта. – Поэтому давай пока не станем этого делать – пока не привыкнем как следует.

Виггз не сводила с принцессы восторженных глаз.

– Кто сильнее, – спросила она, – вы или фея?

– Я так и знала, что ты задашь какой-нибудь ужасный вопрос, – сказала Гиацинта, делая вид, что сердится. Потом она оглянулась по сторонам и шепнула Виггз на ухо: – Я!

– О-о! – воскликнула Виггз. – Неужели правда?!

– Конечно, правда. Ты слыхала когда-нибудь историю об отце и фее?

– О его величестве?

– Да, о его величестве короле Евралии. Это случилось однажды в лесу, вскоре после того, как он стал королем... А вы знаете эту историю?

Думаю, нет. Это случилось вскоре после того, как Веселунг взшел на престол. Он так этим гордился, что повсюду расхаживал и повторял вслух: "Я король. Я король. Я король". А иногда: "Король – это я. Король – это я!" Однажды он гулял в лесу, и его случайно услышала фея. Она явилась ему и сказала:

– Значит, ты – король?

– Я король, – ответил Веселунг, – я король, я ко....

– А все-таки, – перебила его фея, – что такое, в сущности говоря, король?

Веселунг гордо заявил:

– Король – это очень могущественное существо!

– А если я превращу тебя в овечку? Что тогда?

Король на минуту задумался.

– Пожалуй, я бы не отказался побывать овечкой.

Фея взмахнула рукой.

– Вот и будь ею! До тех пор, пока не признаешь, что фея могущественнее, чем король.

И он в мгновение ока превратился в овечку.

– Ну? – сказала фея.

– Ну? – сказал король.

– Так кто же могущественнее – король или фея?

– Король, – ответил Веселунг, – и, вдобавок, гораздо шерстистее.

Наступило молчание. Король начал пощипывать травку.

– Я не слишком высокого мнения о феях, – пробормотал он с набитым ртом. – Мне кажется, они не очень-то могущественны...

Фея сердито взглянула на овечку.

– Они не могут заставить говорить то, что не хочешь, – пояснил король.

Фея топнула ногой.

– Стань жабой! – воскликнула она. – Мерзкой, бородавчатой, ползучей жабой!

– Я всю жизнь мечтал, – начал Веселунг, – стать жабой, – договорил он откуда-то снизу.

– Ну как? – спросила фея.

– Я не очень-то высокого мнения о феях. Не так уж они и могущественны...

Он ждал, что фея на него посмотрит, но она сделала вид, будто думает о чем-то другом. Немного помолчав, жаба добавила:

– Они не могут заставить говорить то, что не хочешь.

Фея пришла в еще большую ярость, снова топнула ногой и приказала:

– Будь нем! И оставайся немым на веки вечные!

В лесу было совсем тихо. Фея посмотрела сквозь ажурные кроны деревьев на голубое небо, на королевский замок, видневшийся в просвете между могучими стволами, на гладкий булыжник справа, на поросшую мхом кочку слева... но она не станет, ни за что не станет смотреть под ноги...

Нет, она не станет...

Ни за что...

И все же...

Это было выше ее сил. Она не удержалась и взглянула на мерзкую, бородавчатую, ползучую жабу, сидевшую у ее ног, – немую жабу, которая еще совсем недавно была королем.

И, поймав ее взгляд, жаба – подмигнула!

Подмигивать можно по-разному. Фея сразу поняла, что в данном случае это означало: "Я не слишком высокого мнения о феях. Не очень-то они могущественны. Не могут заставить произнести то, что не хочешь".

Фея с отвращением и досадой взмахнула рукой.

– О, стань снова королем... – и она исчезла.

Вот это и есть история о том, как король Евралии повстречался с феей. У Роджера она изложена неплохо – разумеется, не так хорошо, как у меня, – но он нагружает ее моралью. Если хотите, мораль можете придумать сами, потому что я такими вещами не занимаюсь.

Виггз тоже не особенно интересовалась моралью. Упершись локтями в колени и положив подбородок на кисти рук, она мечтательно смотрела в сторону леса, воображала всю эту сцену и думала: "Как замечательно быть королем, да еще таким умным!"

– Это случилось очень давно, – сказала Гиацинта. – Отец тогда был не то, что теперь.

– Наверное, это была злая фея, – предположила Виггз.

– Просто глупенькая. Вот меня бы отец так легко не обвел вокруг пальца.

– Но ведь бывают и добрые феи, правда? Я однажды с такой встретилась.

– Ты, дитя? Где же?

Не берусь предполагать, каким путем пошла бы история Евралии, если бы Виггз не прервали. Но случилось так, что она рассказала про свою фею в другой раз, при таких обстоятельствах, что графиня Бельвейн смогла... Да, да, мне крайне неприятно об этом говорить, но графиня действительно подслушала. Правда, как она потом объясняла, ссылаясь на многочисленные примеры из литературы, подобные истории и существуют лишь для того, чтобы их подслушивали (как будто это могло служить ей оправданием!). Во всяком случае, на этот раз она явилась слишком рано для того, чтобы подслушать, но как раз вовремя, чтобы обеспечить себе такую возможность на будущее.

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

– Графиня Бельвейн! – объявила дежурная придворная дама, вслед за чем последовало явление ее светлости, как всегда, весьма эффектное.

– Доброе утро, графиня, – достаточно приветливо поздоровалась Гиацинта.

– Доброе утро, ваше королевское высочество. А-а, Виггз, милое дитя, – небрежно добавила она и протянула руку, чтобы погладить милое дитя по головке, но слегка промахнулась.

– Виггз как раз собиралась мне рассказать одну удивительную историю.

– Славная крошка, – графиня неопределенно взмахнула другой рукой в сторону славной крошки. – Ваше высочество, простите меня, не будете ли вы столь добры позволить мне прервать вашу беседу? Я хотела бы обсудить с вами небольшое, но неотложное дело государственной важности.

Отпустив Виггз кивком головы, принцесса напряженно ждала продолжения.

Когда они оставались наедине, Бельвейн оказывала на Гиацинту какое-то странное воздействие. Было что-то в величественных манерах этой дамы, от чего принцесса чувствовала себя неловкой и виноватой, как школьница, которая плохо себя вела. Я сам часто ощущаю нечто подобное, беседуя с издателями, а Роджер неоднократно упоминает об одном из своих дядюшек, перед которым он всегда оказывался в самом невыгодном положении. Это, по-видимому, довольно распространенное явление.

– Всего-навсего несколько проектов на рассмотрение вашего величества – ах, как глупо с моей стороны, – я хотела сказать, "вашего высочества". Может быть, конечно, они и не заслужат одобрения вашего высочества, но если вы сочтете их достойными... словом, я на всякий случай изложила их в письменном виде. – И она стала разворачивать один за другим листы пергамента, сияющие всеми цветами радуги.

– Как красиво! – Гиацинта не могла сдержать искреннего восторга.

Графиня вспыхнула от удовольствия. Она обожала цветные чернила, перья, линейки, карандаши. В ее Дневнике день недели всегда был подчеркнут красным, а самые важные слова она обычно выделяла золотом. Едва раскрыв Дневник, вы понимали, что перед вами настоящее произведение искусства.

Первый лист был озаглавлен: "Проект экономии в королевстве". ("Экономия" сразу бросалась в глаза, выведенная красным.) Следующий назывался: "Проект безопасности королевства". ("Безопасность" притягивала взор, сияя небесной голубизной.) Третий лист носил заглавие: "Проект поощрения искусств и литературы в королевстве". "Королевству" на этот раз было явно тесновато. Чутье истинного художника подсказывало графине, что заглавие обязано уместиться на одной строке, но она начала писать слишком крупными буквами, а поскольку зеленые чернила были на исходе, не могла себе позволить начать заново.

Всего таких листов оказалось никак не меньше десятка.

К концу третьего принцесса беспокойно заерзала в кресле.

К концу пятого она поняла, что затесалась в королевское семейство, скорее всего, по недоразумению.

К концу седьмого она дала себе честное слово, что, если графиня на этот раз ее простит, она никогда больше не будет такой дурной девочкой.

К концу девятого она еле сдерживала слезы.

В начале десятого листа красовалось заглавие ярко-оранжевого цвета: "Проект развития пластики в королевстве".

– Да, – пролепетала Гиацинта слабым голосом, – мне кажется, это неплохая мысль.

– Я подумала, что, если ваше высочество одобрит эту затею, мы как раз сейчас могли бы...

Гиацинта вдруг почувствовала, что заливаается краской стыда.

– Я полагаюсь на вас, графиня. По-моему, вы разбираетесь во всем этом куда лучше, чем я.

Ничего подобного она никогда не сказала бы своему отцу.

Глава 5

Графиня Бельвейн потворствует своим слабостям

Графиня Бельвейн сидела на троне (на поваленном стволе у опушки леса) в окружении толпы придворных – той воображаемой аудитории, с которой она не расставалась ни на минуту. Она чувствовала себя не в своей тарелке, чего с ней почти никогда не случалось, но сегодня для этого были все основания. Дело было в том, что ее королевское высочество изъявила желание провести смотр недавно организованной Армии Амазонок Ее Королевского Высочества (см. Проект II – "Безопасность королевства").

Вы, наверное, спросите: "Что же в этом ужасного?"

Вот что: никакой Армии Амазонок и в помине не было. Никогда! А чтобы не обременять ее высочество тревогой за безопасность королевства, графине приходилось регулярно получать жалованье за всю Армию.

Любая неприятность обращала Бельвейн к любимому Дневнику, он был незаменимым источником утешения в горе. Она раскрыла огромную тетрадь и, лениво листая страницы, стала перечитывать наиболее захватывающие отрывки: "Понедельник, первое июня. Стала плохой".

Она тяжело вздохнула в знак смирения перед необходимостью быть плохой. Роджер Кривоног считает, что ей следовало вздыхать уже много лет подряд: по его мнению, плохой она родилась.

"Вторник, второе июня, – продолжала Бельвейн. – Осознала, что создана для того, чтобы править страной. Среда, третье июня. Решила отстранить принцессу от власти. Четвертое июня. Начала отстранять".

Поразительные по смелости признания в устах любой женщины, хотя бы и ставшей плохой в прошлый понедельник! Без сомнения, этот Дневник не предназначался для чужих глаз. Давайте попробуем, заглянув через плечо коварной женщины, подсмотреть что-нибудь еще из ее откровений.

"Пятница, пятое июня. Сделала..." – о, это, пожалуй, слишком интимно... Далее следует "Основная мысль недели":

О, берегись! Ведь на пути к вершинам власти Тебя подстерегают беды да напасти!

Восхитительное нравоучение, которое пришлось бы весьма по вкусу Роджеру, только он никогда не сумел бы его так мило срифмовать.

Графиня перелистнула еще несколько страниц и приготовилась запечатлеть события вчерашнего дня.

– Вторник, двадцать третье июня, – сказала она вслух. – Так что же произошло вчера? "Приветствуемая за стенами дворца ликующей толпой..." "Ликующей"? – она прикусила кончик пера и задумалась. Потом полистала Дневник, пока не нашла нужное место.

– Да, – объявила она уверенно, – в прошлый раз было "восторженной", значит, сейчас очередь "ликующей"! – И она написала "ликующей" тонким карандашом. Потом это будет обведено золотом.

Вдруг она поспешно захлопнула тетрадь: послышались чьи-то шаги. Это была Виггз.

– Если позволите, ваша светлость, ее высочество прислала меня напомнить вам, что она прибудет в одиннадцать, чтобы произвести смотр своей новой Армии.

Подобное напоминание вряд ли могло обрадовать графиню.

– Ах, Виггз, милое дитя... – Она испустила трагический вздох. – Я так утомлена. Глава Придворного Кордебалета, – и она проделала грациозное па, – Главнокомандующий Армии Амазонок, Главный Хранитель Королевской Мантии и Главный Смотритель Мебельных Чехлов – и все это я! Пойди и вытри пыль вон с того бревна для ее высочества. Эти обязанности висят на мне тяжким грузом. Я так редко остаюсь наедине со своими мыслями...

– А вот Воггз говорит, что зато вы не остаетесь внакладе, – невинно заметила Виггз, сметая пыль с бревна. – Это, должно быть, довольно приятно – не оставаться внакладе.

Графиня холодно взглянула на Виггз. Одно дело исповедоваться собственному Дневнику в том, что ты плохая, и совсем другое, когда всякие "воггз" трубят об этом на всех перекрестках.

– Я не знаю, что такое "воггз", но пусть "воггз" немедленно явится ко мне.

Как только Виггз скрылась из виду, графиня решила, что самое время предаться Страстям. Она металась по шелковистой лужайке, повторяя про себя: "Проклятие! Проклятие! Проклятие!" Покончив с Яростью, она мрачно опустилась на бревно и погрузилась в Отчаяние. Темные волосы двумя волнистыми прядями спускались по спине – немного подумав, она перекинула одну на грудь: человек, погруженный в Отчаяние, совсем не обязательно должен выглядеть как попало.

Потом ей пришла в голову новая мысль.

– Я одна, и, значит, мне следует произнести монолог, тем более что я уже так давно этим не занималась... О! Какой жестокий... – Она проворно вскочила с неудобного сиденья. – Разве можно сочинить стоящий монолог на такой коряге? – Она перешла на середину поляны, скрестила руки на груди и начала заново: – О! Какой жестокий...

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

– Вы меня звали, мэм? – внезапно раздался голос появившейся Воггз.

"Проклятие! – Графиня вздрогнула от неожиданности. – Что ж, придется отложить", – сказала она самой себе и повернулась к Воггз.

По-видимому, Воггз оказалась где-то совсем неподалеку – слишком уж быстро нашла ее Виггз. Подозреваю, что она играла в лесу, вместо того чтобы делать уроки или штопать чулок, словом, преступно пренебрегала своими дневными обязанностями.

Воггз мне объяснить еще сложнее, чем Виггз. Как тяжело автору управляться со всеми этими персонажами, вторгающимися в повествование без всякого приглашения! Тем не менее она здесь, и с этим приходится считаться.

Мне кажется, Воггз было на год или два меньше, чем Виггз, и воспитана она была похуже.

– Подойди ко мне, – приказала графиня. – Ты и есть так называемая Воггз?

– Да, мэм, – испуганно ответила Воггз. Бельвейн поморщилась на "мэм", но решительно продолжала:

– Так что ты обо мне рассказываешь?

– Ничего, мэм.

Графиня снова поморщилась.

[Далее...](#)